

РАЗДЕЛ I. НАША ПАМЯТЬ – БЕССМЕРТНА!

SECTION I. OUR MEMORY IS IMMORTAL!

**«ПЯТАЯ КОЛОННА» И ЕЁ ВДОХНОВИТЕЛИ В ПОПЫТКАХ ОБОЛГАТЬ
ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ**

DOI: 10.25629/НС.2020.05.01

Голубицкий Ю.А.

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
Москва, Россия

Те, кто врёт о войне прошлой приближает войну будущую

Виктор Астафьев, писатель-фронтовик

Аннотация. Статья показывает отношение к ВОВ двух страт соотечественников: диссидентов и коллаборационистов. Исследует генезис, причины, мотивацию, которые привели их к тягчайшему преступлению, каковым является предательство Родины и готовность к сотрудничеству с её врагами. В поле зрения автора – зарубежные центры, непрерывно на протяжении десятилетий проводящие подрывную деятельность против СССР – России. Содержит статья выводы, ряд пожеланий в отношении российской исторической науки, которые смогут помочь очистить историю ВОВ от клеветы и инсинуаций врагов, от чрезмерных восхвалений и превратить её в строгую научную дисциплину и истинную школу патриотизма для сменяющих друг друга поколений россиян.

Ключевые слова: победа, ветераны, антисоветизм, коллаборационизм, русофобия, диссидент, «потерянное поколение», окопники, пассионарность, цензура, монолит, преодоление, школа патриотизма.

1-го августа 2014 года к 100-летию начала Первой мировой войны на Поклонной горе в Москве состоялось событие, значение которого, на наш взгляд, в должной мере до сих пор не оценено отечественными военными историками, идеологами, политологами. В скорбно-торжественной церемонии был открыт памятник героям Первой мировой войны. Участник торжества президент РФ В.В. Путин воздал должное героям: «Своё законное место занял здесь и солдат Первой мировой, его боевые товарищи. Многим из них довелось сражаться затем и на фронтах Великой Отечественной войны. <...> Однако их подвиги, их жертвенность во имя России на долгие годы оказались в забвении... Победа была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы» [12].

Образно выражаясь, в тот день высокой светлой скорби был если и не до конца, то в существенной мере засыпан непреодолимый десятилетиями символический ров, до вооружённого противостояния разделявший Русский Мир на «красных» и «белых», на жителей исторической России и вынужденных эмигрантов, на прихожан двух церквей одной православной веры. Тогда же в ещё рыхлый грунт этого символического рва легли семена надежды нашей, обещающие всходы примирения и национально-державного возрождения.

Событие это явилось достойной прелюдией мемориальным торжествам в честь другого юбилея: 75-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне, которая в остальном от нас мире определяется как война Вторая мировая.

Могли ли мы предполагать, что вакханалия лжи, ненависти обрушится на нашу страну, народ, Вооружённые Силы, ветеранов войны и тыла в связи с приближающимися торжествами из-за границ Отечества и, что наособицу прискорбно – из мглы затхлого доморощенного политического андеграунда? Что вместо слов благодарности и признательности за ратный труд по освобождению народов Европы от ярма фашизма нашим героическим ветеранам (в том числе и погибшим на полях сражений европейских стран!) будут предъявлены надуманные претензии от правительств и русофобских элит этих самых освобождённых народов? Что претензии станут множиться и множиться, подчас обретая содержание и формы параноидного абсурда?..

Думается, к печали нашей, что всё же немалое количество соотечественников, скорее всего, предполагали возможность такого оскорбительного для героев ВОВ развития событий, ведь от наивного прекраснотушения нас успели излечить за перестроечные и постперестроечные годы циничные ненавистники России всех мастей, местопребывания и национальностей.

Касательно зарубежных недругов, в первую очередь из ближнего, восточно-европейского окружения Российской Федерации, то остатки иллюзий относительно их признательной памяти в отношении советского народа, ветеранов ВОВ, готовности продуктивно и взаимовыгодно сотрудничать с новой Россией, развеялись буквально сразу же после развала СССР. Долгие годы американцы и их европейские союзники по НАТО, в первую очередь – англосаксы, заверяли нас и вместе с нами мировое сообщество, что противостоят не народам СССР, а угнетающему эти народы советскому тоталитарному режиму, тем угрозам, которые, якобы, исходят от коммунистической идеологии и советской военной доктрины. Казалось бы, уход восточного колосса с передовых мировых политических, экономических, военных рубежей, который породил развал СССР, должен был наконец-то успокоить соседей по планете, излечить от застарелых фобий, но падение «красной империи» лишь только раззадорило их на новые, ещё более откровенно ненавистнические заявления и действия. Неправым, на наш взгляд, оказался А.А. Зиновьев, заявлявший, что «целились в коммунизм, а попали в Россию» [19]. Именно в Россию как в ядро евразийского пространства СССР, а теперь – Российской Федерации целились изначально. Из-за границы выцеливали сердце России. Внутренние недруги также пытались поймать на мушку сердце оболганной и проклятой ими Родины, но делали это привычно подлю и трусливо – со спины.

Антисоветизм – явление для России относительно новое, вместе с СССР возникшее и с его распадом необратимо затухающее. Русофобия же и напрямую связанная с ней деятельность по ослаблению государственности и деградации общества в нашем враждебном окружении возвращается давно, настойчиво, планомерно, отчего обрела онтологический и даже, быть может, гносеологический характер.

Поэтому основной для данной статьи является задача выявить в контексте отношения к победе советского народа в Великой Отечественной войне различных страт населения России и её недругов из ряда зарубежных стран генезис, идеологию и механизмы политического и идейно-нравственного противостояния государственным, патриотическим тенденциям. Противостояния, порождающего т.н. «пятую колонну» диссидентов и коллаборационистов, которая уже не первое столетие препятствует здоровым силам Отечества в должной мере укреплять, развивать и совершенствовать во благо всего народа Государство Российской и его гражданское общество.

Первыми призовём к ответу диссидентов.

Пометы основных словарей русского языка определяют диссидентство как «несогласие», «инакомыслие», а диссидента (лат. *dissidens*) как человека, отстаивающего взгляды, которые радикально расходятся с общепринятыми.

Поскольку, как явствует, диссидент – это тот, кто **радикально** расходится во мнениях с обществом, начнём с **радикального** диссидентского текста.

“Гитлер – это ангел русской истории”. Эти кощунственные для каждого жителя нашей страны слова принадлежат не одиозному Геббельсу, не хлебнувшему горилки поклоннику Бандеры, не отморожку с выбритой на затылке свастикой, а вполне благообразному на вид господину с холёной профессорской бородкой, проживающему в городе Москве – Андрею Зубову [16].

Сравнение Гитлера с ангелом звучит ещё более кощунственно, если знаешь контекст, в котором оно зафиксировано текстом.

“По сравнению со Сталиным Гитлер – это ангел русской истории”, – доверительно сообщил доктор исторических наук, профессор МГИМО А.Зубов московскому корреспонденту «Радио Свобода». Своё чудовищное сравнение либеральный историк объяснил тем, будто Сталин избил больше людей, чем Гитлер.

О том, что это – беспардонная ложь свидетельствуют, в частности, исследования доктора экономических наук, ведущего российского социолога и демографа Л.Л. Рыбаковского. В них аргументированно и оттого убедительно показано, что вопреки неолиберальным мифам о миллионах репрессированных советских граждан, СССР 30-х гг., когда И.В. Сталин окончательно занял лидирующую позицию во властной иерархии Советского Союза, являлся вторым в мире государством по малочисленности заключённых. Меньший контингент тогда отбывал наказания только в... княжестве Монако! И репрессировано советской властью в середине 30-х гг. значительно меньшее количество т.н. «классовых врагов», чем в этом пытаются убедить нас неолибералы [13].

Исследование Л.Л. Рыбаковского безвозвратных потерь в ходе ВОВ дезавуируют другой миф: о том, что «советские командиры закидывали немцев трупами своих солдат», «не берегли бойцов и вели боевые действия, не считаясь с потерями». По Рыбаковскому же боевые потери двух воюющих армий вполне сопоставимы, а к концу войны, когда Советская Армия стала должным образом вооружаться и оснащаться всем ей необходимым, когда офицеры и бойцы в окопах, стратеги в штабах набрались бесценного опыта, потери немецких войск даже стали существенно превосходить потери Советской Армии.

«Сравнивая потери СССР и Германии, не надо забывать ту ситуацию, в которой началась война. На первом этапе войны Красная Армия в силу внезапности нападения и неподготовленности к обороне, понесла основные потери, но зато на заключительном этапе потери вермахта были в 1,4 раза больше, чем советских вооружённых сил. Советские военнопленные, захваченные в основном в 1941 г., безжалостно уничтожались, увеличивая общие потери. <...> В Великой Отечественной войне доля погибших военнопленных в безвозвратных потерях вооружённых сил СССР составила почти 40%. В отличие от этого, из советского плена вернулись 75% немецких военнопленных. Погибшие пленные составили лишь 14% всех потерь вермахта. Абсолютное число всех погибших немецких военнопленных в 7 раз меньше, чем советских. Это уже не неумение воевать, а геноцид» [14].

Называть бесноватого фюрера «ангелом» в любом контексте, – кощунство и циничное глумление над памятью миллионов его жертв. Как можно, пребывая в здравом уме, сравнивать гнуснейшего человеконенавистника, развязавшего самую кровавую в истории человечества бойню, с победившим его и поставившим точку во Второй мировой войне вождем великой державы, лидером народа-победителя, одним из самых успешных и справедливых архитекторов и инженеров послевоенного мира?

Наш антигерой смог. Переступил. А, переступив...

И вот уже Зубов, закусив удила, вызывающе оскорбительно для миллионов наших соплеменников в Крыму сравнивает возвращение полуострова в родную гавань – Россию с... гитлеровским аншлюсом Австрии! Действия России по восстановлению исторической справедливости в отношении Крыма – с захватом гитлеровцами европейских государств! Угрожает Родине разгромом и гибелью, напоминая о судьбе всё той же гитлеровской Германии.

Понимая, что подавляющее большинство россиян никогда не поддержат его бредни по поводу истории ВОВ и современной политики, профессор-перебежчик старается всячески угождать недругам России, показать руководителям зарубежных антироссийских центров, что,

мол, свой я, свой в доску!.. «Откровенничая с корреспондентом “Радио Свобода” о подробностях своей биографии, Зубов признался, что в молодости был рьяным антисоветчиком. “Я, – заявил он, – ещё учась в институте, говорил друзьям, как, мол, досадно, что Сталин не проиграл войну Гитлеру. Потому что всё равно, в конце концов, союзники бы нас освободили, но тогда бы англичане и американцы установили бы у нас демократию и сменили бы людоедский сталинский режим”» [16]. (Заметим в скобках, что вышеприведённое высказывание А.Зубова чрезвычайно близко тексту «Чья победа?» одиозного журналиста А.Минкина, опубликованного в газете «Московский комсомолец» № 1690 ещё 22 июня 2005 года. Порой до почти что цитирования близко... Неужто профессор балуется плагиатом?..).

Впрочем, и «откровения» г-на Минкина не оригинальны.

“ – Я не только не желаю быть военным гусариком, но желаю, напротив, желаю уничтожения всех солдат-с.

– А когда неприятель придёт, кто же нас защищать будет?

– Да и не надо вовсе-с. В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с” [6].

Павел Смердяков, слуга и повар помещика Федора Павловича Карамазова, собственной персоной! Со своим панегириком наполеоновским захватчикам, вполне естественно смотрится в диссидентской компании с профессором Зубовым и журналистом Минкиным. Даром что университетов не заканчивал, а всё больше по поварской да лакейской части...

“У диссидентства нет истории в традиционном смысле: нет основателей, теоретиков, даты учредительного съезда, манифеста, – считают исследователи П. Валь и А. Генис. – Невозможно даже определить (особенно на ранних этапах) – кто был участником движения протеста” [4].

Верное наблюдение. Диссиденты, подобно робким полночным приведениям, возникают в государствах, в основном, с деспотическими или тоталитарными режимами, когда в них ослабевает охранительная компонента. Когда расслабившийся караул дремлет. Обычно это происходит после длительных и изнурительных силовых противостояний: «Кто воевал, имеет право // У тихой речки отдохнуть»¹. Измотанный длительным сверхнапряжением, победитель, наконец-то не наблюдая в препозиции чужестранного противника, забывает и о внутреннем политическом антагонисте. Так случилось в СССР 60-х, характеризующихся постсталинской «оттепелью». Так произошло в Российской Империи после победной войны с наполеоновской Францией.

Эйфория победы, обаяние Парижа (этот город, «столица мира», буквально пропитан колдовскими чарами, что породило множество известных афоризмов: «Париж стоит мессы» [Генрих IV Наваррский]; «Увидеть Париж и умереть» [И. Эренбург]; «Праздник, который всегда с тобой» [Э. Хемингуэй] и др.,) вкуче с идеями вольтерьянства, в отличие от Российской Империи не ограниченными цензурой, вскружили головы молодым русским офицерам, подвигли их на «спасение Отечества», как это они понимали; то есть на западноевропейский, эпохой Просвещения подготовленный лад. Освободители Отечества и Европы от Наполеона, составившие тайное общество «Союз освобождения» теперь уже для внутреннего употребления, в отношении своей Родины – России, в декабре 1825 г. вывели на Сенатскую площадь Санкт-Петербурга войска, в которых служили, и в качестве полевых командиров возглавили вооружённое восстание.

Нам важно показать, что не к советским 60-м, как утверждают многие исследователи², восходит генезис российского диссидентства, а к более ранним временам, скажем, к всё тем же декабристам.

Впрочем...

Разве эмигрант А. Герцен, горячо поддержавший молодых бунтарей из своего лондонского далёко, в прозападническом раже буквально одним росчерком пера, одной фразой пренебрежительно «отменивший» многовековую историю Руси утверждением, что «Подлинную историю России открывает собой лишь 1812 год; всё, что было до того, только предисловие» [5] ни является диссидентом?

Равно как те боярские отпрыски, кого император Петр I отправил в Европу осваивать необходимые Отечеству ремёсла и научиться правильно «делать политику», управлять людьми и территориями, развивать науки и искусства ни стали диссидентами, отказавшись вернуться в холодное и нередко голодное Отечество под тяжёлую императорскую длань? А если копнуть дальше по времени от наших дней?..

Из поколения в поколение, из века в век в России воспитывается не только патриотизм, но и его противоположное состояние души и разума: диссидентство, с которым, как правило, повенчан эгоистический космополитизм. Притом процесс, согласно диалектике, происходит по нарастающей. В таком случае присяга народу и конституции молодых дворян-офицеров, героями показавших себя в войне 1812 г., а затем поднявших восстание против короны Российской Империи, логически рассуждая, вполне может через столетия породить у особой с неустойчивым сознанием и психикой феномен патологической любви к «ангелу» Гитлеру. Тут ведь важно начать и настойчиво продолжать, и чтобы власть в сопротивлении особо не усердствовала...

“Исследованием нового материала имеет смысл заниматься только тогда, когда можно поставить под вопрос знакомые понятия и аналитические модели, – считает антрополог А. Беляев и далее раскрывает своё утверждение: – В антропологическом подходе новый эмпирический контекст рассматривается не только как исследование заранее известных явлений и объектов, но и как онтологически незнакомое поле – то есть интеллектуальное пространство, в рамках которого выявляются новые, незнакомые явления и объекты, заставляющие исследователя критически переосмысливать известные теории и модели” [2].

Для того нам и нужна в качестве аналитического материала фактология социального пространства и ментального миропонимания войны 1812 года и логически вытекший из атмосферы русской Победы год 1825-й, чтобы, рассмотрев их как «онтологически незнакомое поле» и вооружившись новыми сведениями, почерпнутыми из открывшихся архивов, обнаружить там следы раннего российского диссидентства и с эвристическим волнением прочертить в своём сознании пунктир, соединяющий две Отечественные войны: 1812 и 1941 гг. Соединяющий, в том числе и по теме диссидентства...

Наполеоновское нашествие в итоге дорого вышло матушке-России. Дважды проутюженный войсками – от границы до Москвы и от Москвы до границы Смоленский тракт, разорённая и сожжённая столица, разграбленные дворянские поместья – жемчужины русской культуры, эти и схожие *материальные утраты*, на наш взгляд, оказались не самыми чувствительными для русских в Отечественной войне 1812 года. По-настоящему следует сожалеть, что единение всех сословий, патриотический энтузиазм, подъём национального самосознания народа, которыми отмечено время военного противостояния с агрессором, в наступившем затем мире так и не удалось конвертировать в долгожданные реформы, главными из которых должны были стать принятие Конституции и на её основе отмена крепостного права. Что горячее нетерпение декабристов привело в итоге к консервации и усилению в общественной жизни Российской Империи охранительных тенденций и заблокировало осуществление планов всякого прогрессивного переустройства, в том числе по перевооружению армии и флота. Как следствие – поражение России в Крымской войне (1853-1856), которое не только лишило победительницу Наполеона преференций от Венского конгресса (9 июня 1815), но и ряда предыдущих завоеваний и не позволило России осуществить давнюю и жизненно важную геополитическую задачу: завладеть проливами между Чёрным и Средиземным морями.

Война 1812 г. отмечена и коллаборационизмом, которого, как явления, мы ещё коснемся позже. На оккупированной французами территории зафиксированы отдельные случаи добро-

вольного и немотивированного обстоятельствами сотрудничества местного населения с оккупантами. Могилёвский архиепископ Варлаам (Шишацкий) уже в июле 1812 года присягнул Наполеону и его примеру последовала часть местного духовенства. За это в 1813 году архиепископ был лишён сана. Случаи армейского коллаборационизма имели место на территориях, где существовало партизанское движение. В Смоленской губернии с французами сотрудничал 61 человек, в том числе 7 офицеров. Например, в январе 1813 года расстреляли корнета Нежинского драгунского полка, который перешёл к противнику ещё летом 1812 года и был впоследствии захвачен русскими в Вильно [1].

Но вернёмся ко Второй Отечественной войне 1941-1945 гг.

Фрондирующие интеллигенты 60-х понимали значение ВОВ для советской страны, её народа, власти. Борясь с властью за предоставление им больших свобод, прежде всего, в области творческого самовыражения, они пытались кто осознанно, а кто неосознанно ослабить притяжение главного консолидирующего ядра общественного бытования, каковым все послевоенные годы является *отношение* к Великой Отечественной войне. Сама по себе война воспринималась большинством из диссидентской страны умеренно критически и в целом положительно, но доминирующее в их коллективном эго космополитическое мировоззрение не устраивал советский послевоенный мир, который продолжал оставаться изолированной и настроенно относящейся к остальному человечеству территорией тотального контроля и запретов, а во внутреннем устройстве – принудительно коллективистским обществом, в котором коллектив и учитель, и наставник, и соглядатай, и осведомитель.

Осторожную, но целенаправленную атаку на традиционные ценности, которые укрепила в сознании большинства советских людей Великая Отечественная, повёл автор термина «оттепель», «крещатикский парижанин» (Евг. Евтушенко) Илья Эренбург в вышедших в ту самую «оттепель» пространных мемуарах [20]. Поскольку основной темой этих мемуаров являются люди искусства, искусство и литература как таковые, то и оценки от Эренбурга направлены на эти сферы.

Отсев второстепенные, можно выделить два основных направления авторской критики:

1. Традиционные формы искусства.
2. Монолит, как философская категория, эмпирика и поведенческая парадигма.

В. Ермилов – главный отечественный «нелюбимец» сторонников модернизма во всех его проявлениях, быстро разобрался с эренбургскими подтекстами и иносказаниями и поделился своими открытиями с массовым читателем [8]. «У автора "Люди, годы, жизнь" есть пафос объяснения западных модернистских направлений в их связи с западной действительностью (мы не касаемся вопроса об удачности или неудачности попыток таких объяснений). Но в мемуарах нет пафоса объяснения нового русского искусства на его почве, в его связях с новой исторической действительностью и со всем предшествующим духовно-художественном развитием русской культуры» [8].

Замечание, на наш взгляд, дельное, содержащее своевременное предостережение представителям литературно-художественной критики умерить пыл в восхвалении космополитического модернизма и обратить больше внимание на литературу и искусство своего Отечества.

Далее из текста видно, что «новым русским искусством» литературовед и литературный критик В.Ермилов считает не «красный» русский модерн первых послереволюционных десятилетий, а директивно сменивший его т.н. «социалистический реализм». На такое откровение в 60-х мало кто мог решиться. Прослыть адептом партийной линии в искусстве тогда означало для смельчак выбрать для себя трудную судьбу изгоя в своей профессиональной среде. Но ведь «смельчак» в нашем случае приглашал к спору, а не к новому навешиванию ярлыков...

Что касается «разрушения монолита», то в то же время, когда «Известия» публикуют статью «Приглашение к спору», появляется исследование, в котором автор уже не столько как критик, а как литературовед, проводит скрупулёзный анализ текста «Люди, годы, жизнь», вывывая в нём попытки Эренбурга противопоставить монолит «свободному» индивидуализму.

Понятно, что монолит в данном случае является аллегорией тоталитарного общества, в котором индивидуумы плотно, временами нерасторжимо объединены, чаще всего – не по своей воле. Разрушение такого рода монолита – благая задача по освобождению личности. Только вот как россыпь самых ценных личностей сможет противостоять машине насилия, скажем, наследнику германского вермахта, объединённым вооружённым силам стран НАТО?

«Путанная реальность 60-х изрядно перемешала фронт с тылом и даже Восток с Западом. В ней уже не оставалось места для строгой простоты сталинских лет (народ и его враги)» [4].

Прямо скажем, сомнительная сентенция. К тому же совершенно бездоказательная. Напротив, многое говорит о том, что именно в 60-е, подарившие стране недолгий период относительной свободы слова, (не забудем, что на годы эти пришёлся апогей т.н. «оттепели»), не ослабла, а обострилась полемика между традиционалистами-«сталинистами» и сторонниками неолиберальных перемен, т. н. «шестидесятниками».

Но авторов диссидентского опуса правда об исследуемом ими времени заботит менее всего, как это, увы, случается сплошь и рядом в противостоянии политических оппонентов. Им важно максимально размыть, разрушить идейно-политический монолит представлений о ВОВ, ревизовать, лишить идейного стержня историю недавней войны. Потому и соответствующее продолжение: «Новые герои воевали не с немцами, а с войной как безличной, противоестественной, бездуховной стихией». И далее – совсем уж, казалось, необъяснимый логикой повествования пассаж: «Такая война была близка поэтике Ремарка» (!!).

Причём здесь Э.М. Ремарк – немецкий прозаик, один из самых известных представителей «потерянного поколения» (Г. Стайн), причём его литературно-эстетические пристрастия применительно к воссозданию литературного образа главной для нас, россиян, войны? Его война, равно как война его западных товарищей-литераторов – I-я мировая. Наша – Великая Отечественная.

А вот при чём. Воистину замечательные литераторы, антифашисты, пацифисты Эрих Мария Ремарк, Эрнст Хэмингуэй, Гюнтер Грасс и др. именно к «оттепельным» 60-м стали самыми популярными писателями в среде советской молодёжи. Как такое случилось в стране с литературоцентричной культурой, с выдающейся литературой, признанной таковой во всём мире – трудный вопрос. Он для отдельного серьёзного исследования. Но одну причину мы всё же укажем здесь и сейчас; опять неуклюжая, интеллектуально ущербная советская пропаганда перестаралась, на сей раз не допустив до массового читателя замечательные, правдивые, художественно яркие произведения о войне отечественных писателей. Как бы что-нибудь ни вышло...

На ещё неокрепшее сознание и души юных граждан СССР в первую очередь и направлялись усилия западной пропаганды и их пособников из диссидентской среды внутри Советского Союза. Многие удалось бы решить на перспективу нашим недругам в противостоянии двух идеологий, двух идейно-политических систем, если бы в нашей стране сформировалось своё «потерянное поколение» – сыновья и внуки победивших фашизм фронтовиков-ветеранов.

Впрочем, кое-что из западных сомнительных ценностей всё же удалось внедрить в сознание части советской молодёжи. Тот же пацифизм, скажем. Родина в кольце военных баз НАТО и иных военных блоков, а внутри неё не просто открыто, а чаще всего вызывающе агрессивно демонстрируют своё идейное неприятие вооружённой борьбы те парни, кому разосланы или вскоре будут разосланы повестки от военкоматов на воинский призыв. И ведь это самые смелые, стойкие, сильные духом представители молодёжи! Пассионарии, как называл подобных обладателей выдающихся способностей в видовом этногенезе Л.Н. Гумилёв.

Авторы – П. Вайль и А. Генис переходят на стрельбу дуплетом. Метят:

– в наш предельно отмобилизованный войной советский интернациональный патриотизм, стремясь заместить его в народном сознании на более идейно-классово нейтральный и оттого любезный им «объективизм» космополитического толка;

– пытаются кровавое *конкретное дело* войны, в основе которого всегда *противостояние*, разбавить кабинетно-профессорской фразеологией и подменить задачу выявления правды о войне на культуртрегерскую и даже локально литературоведческую.

Не поспоришь: литература о войне, также как кинематограф, изобразительное искусство, музыка и др. являются важнейшими средствами сохранить в сознании всё новых и новых поколений память о великой битве добра со злом, передать в честных и художественно состоятельных артефактах её многоликий образ прежде всего тем поколениям, кого миновала страшная участь военного противостояния. Но всё же важные задачи эти не должны даже в малом затмить главную: научное, объективное, документально выверенное *познание* о случившейся величайшей трагедии человечества. Только честное знание и память могут помочь уберечь мир от новых кровавых испытаний.

«В конце 60-х из всех врагов остались только новые «враги народа». То есть те, кто хочет обогатиться подвиг, отравить сладость победы, отнять сознание всеобщей и всегдашней правоты. Иногда этими врагами казались диссиденты <...> и всегда бывшие союзники с той стороны Эльбы.

Когда война превратилась в славную историю, ветераны высказались против инакомыслия, которое в числе прочего подвергает сомнению славу и историю» [4, с. 95]³.

В 60-е тексты о войне заговорили эзоповым языком, обогатились пусть и простенькими, но всё же подтекстами. Директивная по тем временам «Правда» писала: «Каждое талантливое произведение о борьбе народа учит, как жить и сегодня» [15]. Из контекста статьи следует, что понимать эту сентенцию следовало в духе доброжелательного сотрудничества старшего и молодого поколений. За ветеранами, естественно, оставалось наставничество, но не в форме голимой дидактики, а благосклонного понимания специфических черт в облике и поведении послевоенных молодых. Ибо... «Мы сами пижонами слыли когда-то, а время пришло – уходили в солдаты» [6].

Это очень точное замечание, что ветераны в 60-е отстаивали *свою* правду о войне. Кому довелось встречаться с ветеранами ВОВ в неформальной обстановке, прежде всего отмечают их поначалу странно воспринимаемое нежелание вести долгие и подробные разговоры о своей военной истории. Словоохотливый, не говоря уже болтливый ветеран, подробно, с сомнительными деталями повествующий о своих фронтовых подвигах – это нонсенс, к военным рассказам которого следовало относиться априори настороженно.

Так может им попросту нечего было рассказать? Много ли увидишь из окопа?

Конечно же, это не так. Ветераны знали *настоящую* правду о войне, которая проще, чем её велеречивые описания в послевоенных опусах авторов, часть из которых даже не понюхали порохового дыма, но она, эта правда, одновременно и страшнее, трагичнее своей незащищённой простотой.

Счастье, что её, эту святую правду, всё же смогли донести до нас писатели-окопники Юрий Бондарев, Виктор Некрасов, Григорий Бакланова, Василь Быков, Константин Воробьёв, Вячеслав Кондратьев, Виктор Курочкин и др. в своей «лейтенантской прозе».

Как их окопная правда не обходила острых углов, так и судьбы многих из них об эти углы изрядно побились. В 1947 г. В. Некрасов за роман «В окопах Сталинграда» был награждён Сталинской премией II степени. Завершилась победная эйфория, и роман-лауреат был запрещён в СССР. Для писателя-фронтовика началась долгая трагическая эпопея борьбы с властью, завершившаяся эмиграцией.

12 сентября 1974 г. киевлянин Виктор Некрасов последний раз проходил выездной таможенный контроль в аэропорту «Борисполь». Таможенник потребовал предъявить свидетельство на медаль «За оборону Сталинграда». Свидетельства у без пяти минут эмигранта не оказалось, вполне возможно, оно утратилось на дорогах войны. «Конфискую медаль», – объявил служивый. Тогда В. Некрасов достал из ручной клади экземпляр своей прославленной книги и приколотил наградную медаль на её титул. Таможенник молча отошёл в сторону, уступая путь заслуженному ветерану.

Трудная военная судьба офицера-пехотинца. Трудная литературная судьба в послевоенные годы. Трудная одинокая эмиграция, даром, что в Париже. Схожие по трагизму и обидной невостребованности судьбы достались множеству советских ветеранов войны. Но не сломили их, не перекроили сознание и душу.

Не только большое видится со стороны. Острому любознательному взгляду со стороны иногда в народных душе и сознании открывается глубоко сакраментальное. Американский путешественник по СССР, составленный в поздние 60-е и затем неоднократно переиздававшийся, предупреждает отправляющихся в дальний путь соотечественников, что «для русских "родина и народ" означают то же, что для англосакса – "свобода и демократия"» [21].

Они и мы не лучше и не хуже друг друга. Надо понимать, что там, за рубежами, живут, в основном, индивидуалисты, воспитанные таковыми своей историей, своей национальной культурой, а большинство из нас с трудом представляют себя в иных берегах, в отрыве от взрастившего нас народа, от общего народного дела, в том числе и ратного...

Так мы, люди, скроены, что юбилеи и разного рода памятные даты нашей истории, как правило, обостряют ситуацию. Зачастую доводят до абсурда. Грядущее 75-летие Великой Победы в наибольшей мере характерно в этом плане.

Кто более других старается досадить России, предъявить фантастические по своей несуразности претензии в отношении нашей недавней общей истории? Вопрос риторический: Польша и Украина... Украина и Польша.

Польша – одна из стран Варшавского договора, как выражались в советское бытование, «передовой форпост на западных рубежах социалистического содружества». Сейчас страна эта по-прежнему передовой форпост. Но уже на восточных рубежах. И содружества не социалистического, а империалистического. Настолько мила ей эта роль, что поляки готовы нести бремя военных расходов не только как неофиты Североатлантического альянса, но даже платить из своей казны за содержание на своей территории военных баз НАТО! Еще относительно недавно держали натовцев на прицеле поставляемых им Советским Союзом ракет, а теперь вот такая метаморфоза...

Украина и вовсе в недавнем прошлом была одной из «республик-сестёр» Советского Союза, самой облаканной советской властью и удачливой. Казалось бы, как с такой предисторией, да в недруги...

Впрочем, стоит ли удивляться подобным политическим рокировкам. Кто самый рьяный антогонист? Вчерашний самый верный адепт...

Две главные темы, в той-либо иной степени связанных с третьим рейхом, сейчас обращаются в треугольнике Польша – Россия – Украина и на орбитах ряда европейских государств. Это выяснение кто совместно с гитлеровской Германией развязал Вторую мировую войну и чей коллаборационизм менее «коллаборационистее».

Оставим пропаганду пропагандистам, тем более, что российская контрпропаганда русофобским усилиям наших закордонных и внутренних недругов ведётся сейчас вполне успешно. Особенно это стало заметно после того, как клеветники России в клеветническом угаре перешли ряд «красных линий» и спровоцировали жёсткую ответную реакцию российских государственных и общественных организаций и СМИ. Тогда российские архивы, выполняя указания президента России В.В. Путина, в массовом порядке рассекретили неопровержимые документы об истинном положении дел в годы ВОВ, назвали имена пособников фашистов по всей Европе, чьи злодеяния не имеют срока давности.

Возникает вопрос: отчего не было сделано это, как говорится, по горячим следам ещё в победном 1945-м? Отчего тогда страна-победительница окончательно не расставила все точки над "i", в том числе и относительно истинных инициаторов войны, своих и закордонных коллаборационистов?

1945 год. Всенародное ликование победителей в самой страшной и кровопролитной за всю историю войне. В эти святые часы, дни, недели русский и братские ему народы СССР ещё

никогда не был так воодушевлен и един с своим политическим и военным руководством. А руководство? Его высокий уровень информированности омрачает ему заслуженный праздник пониманием опасности новой войны, которую готовят против Советского Союза США и их ближайшие союзники. Сменивший в апреле 1945 г. очень странным образом скоропостижно умершего друга СССР президента США Д.Т. Рузвельта Г. Трумэн по сути объявил ненавистному ему СССР «холодную» войну, страстно желая обрушить на советские города и веси «горячий» смертоносный груз атомного оружия, которым в конце войны овладели США. Овладели, как известно, благодаря не столько гению своих учёных, как усилием разведки, которая сумела своевременно выкрасть и переправить за океан из Европы немецких разработчиков атомного оружия и средств его доставки.

Последовавшие вслед за этим атомные бомбардировки американскими вооружёнными силами японских Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г., в которых не было никакой военной целесообразности, тем ни менее имели двуединую чётко заявленную цель:

- утратить Советский Союз, по возможности деморализовав волю руководства страны-победительницы. Обеспечить себе доминирующую роль в послевоенном территориальном делении мира и с выгодой для себя в политическом, силовом, экономическом его обустройстве. Если бы дрогнуло сталинское руководство, а советская армия, самая сильная и опытная на тот период в мире, дала бы слабину, можно не сомневаться, гугеровские Соединённые Штаты решились бы на ревизию Ялтинской и Потсдамской конференций;

- отомстить Японии за победную для неё Гавайскую операцию, проведенную 1 декабря 1941 г. против Центральной базы военно-морских сил США, расположенной на одном из островов Гавайского архипелага в Тихом океане в Пёрл-Харбор.

Что первая, что вторая цели: запугать соперника, ещё вчерашнего своего союзника, поддаться ветхозаветному звериному принципу мщения «око за око, зуб за зуб» – скорее характерны не для великой державы, а уголовной банды. Понятно, что вслед за американцами столь преобразившиеся вчерашние наши общие союзники решительно отказались сотрудничать с советскими властями и военными структурами в передаче затребованных нами военных преступников, которым удалось оказаться в американской, английской, французской зонах оккупации Германии, во многих странах мира, прежде всего, в Канаде, Австралии, ЮАР, Бразилии, Аргентине, Чили и др.

На некоторую переакцентировку итогов ВОВ сознательно пошёл и Советский Союз. Все годы войны он противостоял не только военной агрессии фашисткой Германии, но и войск, фактически, всей Европы. Но в конечном итоге вина за зверства агрессоров была возложена на Германию.

А ведь советские ветераны, кому довелось воевать против венгерских частей, убеждены, что по отчаянности, неуступчивости, готовности до последнего своего солдата сопротивляться натиску Советской Армии и до последнего чужого солдата проводить зачистки на завоеванных территориях, венгры превосходили немцев из вермахта и всех иных германских сателлитов. Что не было равных в жестокости в отношении местного гражданского населения румынам и испанцам из «Голубой дивизии». Что рабочие и инженеры индустриально развитой Чехословакии, оставив в сторону славянскую солидарность и исторически добрые отношения с русскими, исправно трудились на германскую военную машину⁴. К июню 1941 года немецкие части были почти на треть укомплектованы чехословацким вооружением. Руками чехов собраны четвертая часть всех танков, 26% грузовиков и 40% стрелкового оружия германской армии [18].

Советский Союз, которому его вчерашние союзники по антигитлеровской коалиции отказали в участии в новой коллективной системе военной безопасности (НАТО), которого обошли столь необходимой ему в восстановлении страны экономической помощью «плана Маршала», у которого потребовали вернуть отремонтированную технику, поставленную СССР по ленд-лизу, чтобы издевательски уничтожить её тяжёлыми прессами прямо в портах на глазах наших людей, был вынужден фактически в одиночку выстраивать новую политическую, экономиче-

скую, силовую архитектуру Восточной Европы, к большому сожалению, изначально конфронтационную Западной Европе и США. Советскому руководству, советской дипломатии как воздух нужны были союзники для альтернативного НАТО Варшавского договора. На одном принуждении выстроить такие объёмные и сложные структуры было невозможно. Приходилось, не поступаясь основополагающими принципами, идти на уступки...

Но в пределах Советского Союза никакой пощады коллаборационистам не было и быть не могло.

Краснодар 1943 года, освобождённый советскими войсками от частей вермахта. Обвиняемыми в совершении преступлений против человечности, в частности, в пытках и убийствах советских граждан, стали 11 арестованных немецких пособников. (Их славянские фамилии мы сознательно опускаем).

На основании статей 319 и 320 УПК РСФСР, а также руководствуясь указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, военный трибунал 17 июля 1943 года приговорил восьмерых преступников к высшей мере наказания – смертной казни через повешение. Оставшиеся трое были приговорены к 20 годам каторжных работ. Приговор был встречен бурными аплодисментами присутствовавших в зале. Привели его в исполнение 18 июля 1943 г. в 13 час. на центральной площади Краснодара в присутствии около 50 тысяч человек.

У истории этой есть продолжение. Спустя 20 лет, осенью 1963 года, в Краснодаре состоялся открытый суд над девятью другими функционерами зондеркоманды «10-А». 24 октября всем был вынесен смертельный приговор через повешение. К архивным документам, относящимся к этому делу, приобщён фотоснимок из, как гласит подпись под ним, «далёких 60-х» [22]. Площадь, явно не в центре Краснодара, большое скопление военнослужащих, плотная толпа гражданского населения по периметру, наспех сколоченные виселицы в центре площади, на которых повешены преступники с завязанными за спиной руками и табличками с именами на груди.

Выходит, публичные казни предателей практиковались вплоть до 60-х годов! Всё новыми и новыми инъекциями страха власть предержащие пытались вытравить из сознания неблагонадёжных сограждан коллаборационизм. Получалось, прямо скажем, не всегда и не лучшим образом.

Тому есть веские причины. Коллаборационистами в Советском Союзе периода ВОВ становились, в основном, не разного рода одиночки с расстроенной психикой, затаившие обиды или, чаще всего, псевдообиды на власть, на общество, как то имело место в европейских странах, а «классово чуждые элементы». Гражданская война для них не завершилась в 30-е, а продолжала тайно, болезненно извращённо сжигать сознание и души, требуя мщения и возвращения несправедливо, как считали они, отобранных советской властью земельных наделов (кулаки), фабрик, заводов, капиталов (капиталисты-предприниматели), сословных привилегий (наследственная аристократия) и др.

Случались и ситуационные коллаборационисты, которых к предательству привели трагические обстоятельства и отсутствие характера и воли, которые могли бы помочь им обстоятельства эти преодолеть⁵.

Наверное, к этому разряду можно отнести и тех бойцов Красной (Советской) Армии, кто оказался в плену в результате предательства командиров, а затем предпочёл фашистскому плену службу в т.н. Российской освободительной армии под командованием генерала-предателя А. Власова. С таких «коллаборационистов поневоле» ни коим образом не снималась и не уменьшалась ответственность за службу в вооружённых силах врага.

Зарубежные исследователи коллаборационизма в СССР большое значение придают т.н. *национальным движениям*. Оно и понятно, именно пресловутый «национальный вопрос» стал главным объектом приложения усилий геббельской пропаганды по расшатыванию идейно-политического единения советских народов. Да, в качестве союзников вермахта с Красной (Советской) армией воевали батальоны, полки и иные воинские соединения, сформированные по

национальному принципу, в основном, из представителей кавказских народностей. Но в то самое время, когда предатели из числа крымских татар стреляли в спины отступающим из Крыма советским воинам, вырезали в преступно оставленных без охраны крымских госпиталях раненых, большинство из которых были прикованы ранениями к госпитальным койкам, в небе над линией фронта отчаянно сражался славный сын крымско-татарского народа Султан Ахметхан, закончивший войну дважды Героем Советского Союза.

Капитан советской армии Давид Кугультинов, ставший впоследствии Народным поэтом Калмыкии, Героем Социалистического Труда и тысячи подобных ему калмыков-патриотов не просто сполна искупили перед большой Родиной грехи своих единокровцев-коллорабационистов, но и явили истории примеры стойкой верности воинской присяге, беззаветного служения Отечеству.

*Взять высоту был дан приказ:
Враги сдержать пытались нас.
За кукурузными стеблями
Мы залегли. Вперед я звал,
Но с пулей в легком наземь пал.
Под Сарнами то было с нами, –*

писал о своей Великой Отечественной поэт-фронтовик [10].

Нигилизм 80-х – 90-х гг. не мог ни отразиться на оценке межнациональных отношений в СССР, подвергнуть ревизии степень их консолидации. Говоря о советском периоде, большинство исследователей, на наш взгляд, до сих пор недооценивают крепость ментальных скоб, что соединили народы России в единую «симфонию» (Ф. Достоевский). Поэтому тот сегмент коллаборационизма, который чаще всего объясняется национально-освободительными мотивами, мы предлагаем отнести к классово-идеологическому несогласию индивидуумов и групп с государством, к стремлению выжить в ситуации, когда выбор средств выживания практически исчерпывается прямым пособничеством вчерашнему врагу. Естественно, это ни в коей мере не обеляет самих коллаборационистов!

Самая позорная ситуация, связанная с отношением к коллаборационизму периода Великой Отечественной войны, сложилась на Украине и в странах Балтии. В то время как большинство стран-участниц Второй мировой осудили морально, уголовными судами и военными трибуналами своих пособников фашизма, украинские власти всерьёз взялись вернуть зловещие тени ВОВ и их подручных в современную политическую реальность. И преуспели в этом!

Одним из итогов государственного переворота 2014 г. на Украине стало введение в местный пантеон национальных героев С. Бандеры и Р. Шухевича. Первый руководил в годы Второй мировой войны Организацией украинских националистов (ОУН). Вторым в то же время возглавлял Украинскую повстанческую армию (УПА). Аргументы, какими нынешние украинские фашисты-бандеровцы всех мастей и уровней пытаются обелить эту «сладкую парочку», не выдерживают никакой критики. Построены они по принципу подмены имени и предмета⁶, который часто применяется манипуляторами массового сознания.

Противники «бандеризации» указывают на тесные связи Бандеры и Шухевича с оккупационной администрацией гитлеровской Германии, действовавшей на территории Украины. На антисемитизм обоих. На участие подручных этих главарей в еврейском погроме во Львове, в параде фашистского батальона «Нахтигаль», сформированного из дружин украинских националистов и обученного абвером для действий на территории Украинской ССР в составе диверсионного подразделения «Бранденбург 800». Каждое обвинение сопровождается реальными документами, сообщениями прессы тех лет, кадрами кинохроники.

Полностью проигнорировав обвинения оппонентов в адрес извлечённых из нафталина истории «героев», бандеровцы и сторонники Шухевича пространно рассуждают, скажем, о «по-

ходе» их кумиров на Донбасс, целью которого было спасти оставшихся без защиты украинских женщин (мужья сражались в Советской армии) от бандитизма и насилия со стороны русского населения. Естественно, ни одного конкретного свидетельства тому не приводится.

Налицо та самая *подмена предмета*, о которой выше упоминал политолог С.В. Кара-Мурза.

В арсенале украинских фальсификаторов истории Великой войны ещё и «ложное имя», «ложная метафора», «афоризмы, прилагаемые к совсем иным понятиям» и. д. и т.п. – обширный набор поддерживаемого нынешними правителями Украины вранья и дезинформации.

Ещё в марте 2014 года известный российский актёр и продюсер Леонид Ярмольник, которого трудно заподозрить в симпатиях к нынешним властям России, однозначно высказался о событиях на Украине. Видимо, достала беспардонная ложь и наглое поведение многочисленных украинских «экспертов», которым на протяжении последних 5-и лет так неразумно щедро предоставлялся эфир на российских телевизионных ток-шоу.

“Если бы меня спросили, что ты предлагаешь в ситуации с Украиной, я бы ответил, что знаю кто такие бандеровцы, не понаслышке знаю... Это люди с абсолютно другим составом хромосом. Это люди, которые без объяснения причин ненавидят русских. Ненависть по национальному признаку сродни звериному инстинкту. Это свойство странных, обзлѐнных, ничего не помнящих людей. Я этого никогда не пойму. Это идёт от необразованности, от отсутствия воспитания, нормальной семьи, от безделья, от преступной распущенности и безнаказанности. Они – бандиты, и бороться с ними надо как с бандитами” [11].

Может быть, настала пора прислушаться к человеку, который хорошо знает о чём говорит, кто 10 лет прожил на Западной Украине, учился во Львове, общался с нарочито впавшими до лучших в их понимании времен в общественно-политический анабиоз потомственных русофобов, антисоветчиков и пособников врагов своей Родины. В данном случае это голос разума и ответственного отношения к настоящему и будущему нашего Отечества.

Выводы

1. Великая Отечественная война остаётся центральным столпом и школой патриотизма в системе морально-нравственного воспитания подрастающих поколений граждан России.

2. Задача власти не просто сохранить память о ВОВ в сердцах и душах соотечественников и людей доброй воли по всему свету, но и очистить святое историческое знание от позднейших наслоений сусального золота, равно как и восстановить утраты бесценных фрагментов. Историю величайшей войны следует тщательно реставрировать, как российские реставраторы по крупицам реставрировали и местами воссоздавали бесценные строения и артефакты, разрушенные немецкими фашистами. История ВОВ в достойном виде и необходимом объёме должна вернуться в учебные программы начальной, средней и высшей школы, вернуться не в виде моря разлитого альтернативных и субъективных толкований, способных сбить с толку, запутать даже добросовестного ученика, а в виде канонического текста, тщательнейшим образом проверенного и согласованного со всеми заинтересованными участниками процесса, если угодно – Катехизиса Великой победы.

3. Историю войны – это всегда история торжества и история... позора. Позора неизбежных локальных поражений, по недомыслию и из-за недобросовестности нереализованных планов, предательства и коллаборационизма. Большая история ВОВ должна, как бы это ни было тяжело нашей памяти, сохранить не только героев, но и их антиподов. Каждому должно быть воздано по деяниям его. Воздано объективно и по-научному беспристрастно.

4. Война жива в народной памяти до тех пор, пока жив последний её солдат. В отношении ВОВ этот рубеж недалек. Но, вопреки поговорке, история Великой войны должна активно жить столетия. Чем может помочь она нынешней Российской Армии и Флоту? Какие уроки сможет извлечь из неё нынешний генерал, офицер, сержант, курсант, рядовой? Самым серьёзным образом должны озаботиться об этом идеологи и педагоги военного дела.

5. Непременно следует продолжить военную историю страны, включив в неё главы и разделы, относящиеся к периоду после 1945 года по наши дни. Корея, Ангола, Мозамбик, Претория, Куба, Никарагуа, Афганистан, Сирия... Список этот будет продолжен; такова, увы, суровая неизбежность наших дней. Ещё недавно даже само упоминание этих военных конфликтов было под запретом Главпура и Агитпропа. Новая Россия продолжает восстанавливать справедливость. Статус всенародных присвоен утверждённым главой государства **Дню памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества; Дню Сил специальных операций.**

Примечание

¹Припев популярной песни конца 1940-х – середины 1950-х гг.

²«Собственно, история диссидентского инакомыслия начинается с середины 60-х годов, однако в нём выделяются несколько направлений, но отнюдь не только моноструктура – правозащитное крыло», – считает исследователь В.Н. Березовский. К иным направлениям он относит «национальные движения», особо выделяя «русское национальное движение», «религиозные движения», «независимое профсоюзное движение» и «правозащитное движение» с разбивкой его на три этапа. (Березовский В.Н. Движение диссидентов в СССР в 60-х – первой половине 80-х годов / Россия в XX веке. Историки мира спорят // М., Наука, 1994. С. 615.).

³Из-за ограниченности объёма статьи и стремления удержать её в локальных рамках заявленной темы, мы опускаем политико-исторический разбор предпринятых рядом антисоветских литераторов и литературоведов попыток показать несостоятельность значительной части мифологии о ВОВ, в частности, дегероизацию подвигов молодых патриотов, ставших к тому времени (1974-1975 гг., период подготовки к 20-летию Великой Победы) культовыми персонажами советской военной истории. Речь идёт в частности о подвигах Героев Советского Союза Александра Матросова и Зои Космодемьянской. Мифология войны, без которой не обходится ни одно крупное силовое противостояние со времён Древнего Рима, в отношении ВОВ была весьма уязвима низким качеством исполнения доморощенными мифотворцами, прежде всего, из числа пропагандистов Главпура и гражданских партийных структур. Настолько низким, что возникали сомнения в их добросовестности и подозрения в нарочитой небрежности и злонамеренности; конструкция советского мифа, наспех и халтурно слепленная ими, не должна была выдержать серьёзного удара со стороны местных и зарубежных мифоборцев.

По словам писателя-фронтовика Виктора Астафьева, ссылающегося на письма свидетелей события, А. Матросов скатился на амбразуру сверху, попытавшись пригнать вниз длинный ствол пулемёта на короткое время, которое было бы достаточно его однополчанам для броска, но немцы дёрнули ствол, и Матросов был убит. Исходя же из собственного опыта, Астафьев утверждает, что закрыть своим телом обширную амбразуру с длинным стволом пулемета «МГ» принципиально невозможно. (Ужасная правда о войне без вымысла и мифов от писателя-фронтовика: Беседа В. Астафьева с кинорежиссёром Н. Михалковым. www.youtube.com. Последнее обращение – 07.02.2020г.

Но разве хлипкость мифа не проявилась сразу по его созданию? И совсем непостижимо как эта некачественная пропагандистская поделка прошла фильтры самой строгой в мире редакции и цензуры. Неужто и там оказались свои люди...

⁴Справедливости ради, следует признать, что имели место и иные поступки. 17 сентября 1939 г. подполковник Людвиг Свобода увёл в СССР свой батальон, сформированный из чехов, которые решили воевать с немцами. Было их... 300 человек...

⁵Об одном из таких антигероев поведал выдающийся советский писатель Василь Быков в повести «Сотников».

⁶Особым направлением манипуляции является прямая подмена или имени и понятия, которым определяется предмет общественного противоречия, или незаметная подмена предмета; так фокусник меняет взятые у зрителя часы на мышь. (Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием / Серия: История России. Современный взгляд / М., Алгоритм, 2000. С.386

Литература

1. Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооружённых формирований Комитета освобождения народов России 1943-1946 гг. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Архивная копия от 12 июля 2017 на Wayback Machine – СПб., 2015. – С. 89.
2. Беляев А. Аналитический подход современной антропологии // В кн.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Предисловие А.Беляева / Последнее советское поколение / пер. с англ. / М., НЛО, 2014. С. 18.
3. Березовский В.Н. Движение диссидентов в СССР в 60-х – первой половине 80-х годов / Россия в XX веке. Историки мира спорят // М., Наука, 1994. С. 615
4. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека / изд. 2-е, испр. М., НЛО, 1998. С. 176.
5. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России / Собр. соч. В 30-и Т. Т. 7. – М., Академия наук СССР, 1956. С. 117.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Полное собрание сочинений в 30-и тт. / Т. IVX. Книги I – X. Ленинград, Наука, 1976. С. 205.
7. Друнина Ю. По улице Горького / «Юность», 1961, № 5. С.14.
8. Ермилов В. Необходимость спора / читая мемуары И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» / «Известия» № 24 от 29.01.1963.
9. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием / Серия: История России. Современный взгляд / М., Алгоритм, 2000. С.386.
10. Когультинов Д. Высота / В антол. «Священная война». Сост. С. Наровчатов, Я. Хелемский / М., Худ. лит., 1966. С.338.
11. Леонид Ярмольник о бандеровцах: Я знаю, кто такие бандеровцы, не понаслышке знаю. regetogi. Livejournal.com. – Последнее обращение 18.02.2020.
12. Путин В.В. Выступление на открытии памятника героям Первой мировой войны на Поклонной горе. 1 августа 2014. www.kremlin.ru d/46385. Последнее обращение – 31.01.2020.
13. Рыбаковский Л.Л. Политический террор. 1937-1938 гг. / к 75-летию сталинских репрессий в СССР/ – М., Экон-информ, 2013.
14. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне / издание 2-е, исправленное и дополненное / – М., Экон-Информ, 2010.
15. Севрюк В. Правда великой войне / «Правда», 17 апреля 1966 г.
16. Соколов А. Гитлер – ангел русской истории»? / В ходе предвыборной компании либералы договорились до того, что стали петь дифирамбы фюреру / www.stoletie. 07.09.2016. Последнее обращение – 20.02.2020.
17. Ужасная правда о войне без вымысла и мифов от писателя-фронтовика: Беседа В.Астафьева с кинорежиссёром Н.Михалковым. www.youtube.com. Последнее обращение – 07.02.2020 г.
18. Чешское вооружение на службе III рейха, govorkin.livejournal.com»524582.html. Последнее обращение 18.02.2020
19. Целились в коммунизм, а попали в Россию... // «Завтра» / Разговор трёх русских в Германии / № 2, 1993.
20. Эренбург И. Люди, годы, жизнь / Собр. соч. в 9-и т. тт. 8-9. М., Худ. лит., 1966.
21. USSA. Fodor's modern guides, Inc. New York, 1984, p.56.
22. uaplakal.com»forum2/topic1407389.html. последнее обращение – 18.02.2020.

Голубицкий Юрий Александрович. E-mail: golub9900@mail.ru

Дата поступления: 27.02.2019

Дата принятия к публикации 15.04.2020

**THE “FIFTH COLUMN” AND ITS INSPIRANTS IN AN ATTEMPT
TO LIE THE GREAT VICTORY**

DOI: 10.25629/HC.2020.05.01

Golubitsky Yu.A.

Institute for Social and Political Studies of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract. The article shows the attitude to the Second World War of two strata of compatriots: dissidents and collaborators. He explores the genesis, causes, motivation that led them to a grave crime, which is the betrayal of the homeland and the willingness to cooperate with its enemies. In the author's field of vision are foreign centers that continuously carry out subversive activities against the USSR and Russia for decades. The article contains conclusions, a number of wishes regarding Russian historical science, which can help cleanse the history of the Second World War from slander and insinuations of enemies, from excessive praise and turn it into a strict scientific discipline and a true school of patriotism for successive generations of Russians.

Keywords: victory, veterans, anti-Sovietism, collaboration, Russophobia, dissident, “lost generation”, comfrey, passionarity, censorship, monolith, overcoming, school of patriotism.

Golubitsky Yuri Alexandrovich. E-mail: golub9900@mail.ru

Date of receipt 27.02.2019

Date of acceptance 15.04.2020